

ББК 60.545.1

УДК 316.4(470)

Многонациональность современного общества как условие формирования национальной идентичности населения Российской Федерации*

О.Е. Ноянзина, М.Б. Максимов, О.В. Ходоренко, О.В. Суртаева, М.Е. Возилкина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Multiethnicity of Contemporary Society as a Condition to Form the National Identity of the Population of the Russian Federation

O.E. Noyanzina, M.B. Maximov, O.V. Hodorenko, O.V. Surtaeva, M.E. Vozilkina

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье представлен теоретический анализ феномена «национальная идентичность» в условиях современного многонационального общества. Сделан вывод о том, что термины «многонациональный», «поли/многокультурный», «полиэтнический» и иные синонимичные выражения достаточно прочно укоренились в научном и обыденном обиходе, однако в отношении специфики поликультурности Российской Федерации мнения исследователей расходятся по двум полярным позициям. Одна из этих позиций утверждает особый цивилизационный путь России, обусловленный ее историческим развитием, промежуточным положением между европейской и азиатской цивилизациями и прохождением своего «особого» цивилизационного пути. Сторонники второго подхода говорят об отсутствии специфичной многокультурности России, апеллируя к наличию большого числа полиэтничных государств, довольно успешно развивающихся в условиях полиэтничности и поликонфессиональности. В российской же практике термин «многокультурность» является сконструированным и заикливается на признании факта различных культур, религиозных мировоззрений и народов с отличительной исторической судьбой как таковых. Сделан вывод о том, что сегодня на повестку дня выходит вопрос определения нового понятия, описывающего российскую идентичность, — «российская нация». Определение этого феномена затруднено наличием двух подходов к проблеме сущности нации: рассматривать ее как «гражданское сообщество» или же как «этнокультурную общность (этнонацию)».

Ключевые слова: многонациональность, поликультурность, полиэтничность, идентичность, национальная идентичность, гражданская идентичность.

The article analyses the ‘national identity’ phenomenon in conditions of contemporary multiethnic society. The conclusion is made that the concepts “multiethnicity” ‘mulinational’, ‘poly/multi cultural’, ‘polyethnic’ or other synonymous expressions firmly rooted in scientific and ordinary everyday life. However, discussions about specifics of Russian polyethnicity differ in two opposite viewpoints. Thus one of positions states special civilization path of Russia, determined by its historical development, interjacent position between Europe and Asia, and passing through its own ‘special’ civilization way. Representatives of the second approach argue about the absence of any specifics in Russian mulinationality. Lot of states in the World are multiethnic and rather successful in developing the conditions of polyculturality and multiconsessionality. In Russian practice ‘multiculturality’ concept is constructed and focused on existence of different cultures, religious world outlooks and peoples with different historical destiny. The conclusion is made about necessity to define a new concept of the “Russian Nation”. Determination of the given concept is difficult because of two approaches to the ‘nation’: as a ‘civil society’ or as an ‘ethnic-cultural society’.

Key words: multinationality, polyculturality, poliethnicity, identity, national identity, civil identity.

* Статья опубликована при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Национальная идентичность является одной из основных социальных идентификаций личности. Некоторые из исследователей, например Michael Billing [1], присваивают понятию «национальная идентичность» характеристику «банальный» — и не столько потому, что современные люди придают мало значения национальной принадлежности друг друга, сколько потому, что она в буквальном смысле тесно увязана с территорией. Так, наше гражданство делает нас «русскими», «французами», «канадцами» и так далее, однако в то же время в некоторых сообществах мы видим попытки «выпячивания» национальной самобытности «сибиряков», «казаков», «бретонцев» или «квебекцев». В этом смысле у каждого из нас есть национальная идентичность, «нравится ему это или нет» [2], по сути, она возложена на нас государством в виде подданства или гражданства или является дополнением к тому, чтобы быть гражданином государства, и не имеет четких вариаций от гражданина к гражданину. Э. Геллнер, рассуждая о национальной идентичности, писал о том, что все жители страны — граждане, которые являются носителями принимаемой на веру идеологии, привязывающей их к государству, или «нации» [3]. Поэтому люди сражаются и умирают за народ — *pro patria mori* и, как писал Б. Андерсон, готовы умереть за свою нацию, но крайне редко — за свой социальный класс [4].

С этой точки зрения «национальная идентичность» воспринимается как «естественная» и необходимая, однако она также рассматривается как активно формируемая государством. Как отмечает Э. Геллнер, национализм — это форма светской религии и национальной идентичности в государстве, он подталкивает граждан к тому, чтобы сделать эту «воображаемую» идентичность доступной для стороннего наблюдателя, при этом сравнивая себя, иногда неявно, иногда явно, с «другими» с целью утверждения сходства, но чаще через противопоставление с ними [5].

В настоящее же время размеры, масштабы и сложность современного общества таковы, что возникает спрос на лояльность государству и идентификацию с ним граждан посредством нации. Национальная идентификация становится *conditio sine qua non* гражданства, условием стабильности обществ в границах их исторических территорий.

Российская Федерация — это полиэтничное, полирелигиозное и соответственно поликультурное общество, на ее территории, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., проживают представители более чем 190 этнических общностей, каждая из которых отличается своей уникальной материальной и духовной культурой. С точки зрения того, что большая часть народов России веками формировалось на ее

территории, они выступают в качестве коренных народов, сыгравших историческую роль для становления как российской государственности, так и культуры полиэтничного государства.

Рассматривая проблемы многонациональности, следует учитывать и фактор пребывающих на территории страны мигрантов. В данном случае возникает проблема оценки численности находящихся на территории страны трудовых мигрантов разного статуса — как легального, так и нелегального [6].

Так, согласно статистическим сведениям ФМС России, находящимся в открытом доступе, в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, всего в России находятся 11,42 млн иностранных граждан и лиц без гражданства (декабрь 2014 г.). Разрешения на работу или патенты, позволяющие вести трудовую деятельность, выданы только 1 126 019 мигрантам.

Вместе с тем в Российской Федерации в силу веками формировавшейся «объединяющей роли» русских сложилось уникальное образование — российская нация, — представляющее собой «уникальное гражданское единство и культурное многообразие, духовную общность и союз народов». Эта уникальность усиливается и тем, что каждый народ сохранил специфичный уклад материальной и духовной культуры, сложившись как этническая общность. И с этой точки зрения народы, традиционно проживающие на российской территории, являются коренными народами, имеют свою историческую роль в становлении российской государственности. Сохранили свою самобытность и особенные черты традиционной культуры национальные меньшинства, которые в современной России являются отдельным субъектом межэтнических отношений и четко осознают свои отличия и принадлежность к этнически самостоятельной группе.

Ранее уже отмечалось, что Российская Федерация в силу своей многонациональности является поликонфессиональной страной, в которой преобладающим выступает православие. Со времен Крещения Руси в десятом веке христианство завоевало просторы России и превратилось в религию большинства населения, оказав существенное воздействие на жизнь общества, его материальную и духовную культуру, построение быта, сознание граждан. Сравнение карты народов и религий Российской Федерации делает очевидным тот факт, что подобное разнообразие мировоззрений веками воплощалось в нормы жизни, отражавшиеся впоследствии в нормах права, в особенностях структуры и функционирования институтов общества, в быте граждан. Но российская многокультурность всегда сопровождалась сохранением культурной специфики в сочетании с полноценным уча-

ствием представителей разных этнических общностей во всех сферах общественной жизни [7].

Тишков В.А., рассматривая поликультурность российского общества и понимание этнического, говорит о наличии противоречия, носящего фундаментальный характер и заключающегося в неопределенности того, что следует называть нацией — этническую общность или согражданство. В качестве альтернативы в «общероссийском контексте» возможно употреблять слово «общенациональный(ая)», то есть «иметь в виду наличие некой „общенации“» [8].

Многонациональный характер общности несет в себе достаточное количество угроз национальной безопасности государств, многие из которых в последние десятилетия XX в. стали площадкой для политических потрясений и этнически мотивированного насилия. Этническое многообразие все больше становится полем для исследователей в области социальной и культурной антропологии, его изучение позволяет лучше понимать принципы функционирования общества, государственности и управления, предотвращения и решения социальных конфликтов разного типа и уровня.

В рассматриваемом контексте весьма востребованы теории управления многоэтничностью в размерах государственного образования с целью улучшения социальных и культурных условий и системы управления многоэтничными сообществами. Принципиальным в данном случае является признание культурного разнообразия современных государств и невозможность совпадения этнических (и связанных с ними культурных) и административных границ. Для обеспечения процесса управления многокультурностью необходимо широкое участие в общественно-политическом процессе представителей разных культур и религий, уничтожение расовых и кастово-племенных барьеров, например «этнических территорий», а также всеобщее признание того факта, что диаспоральные группы (или нацменьшинства) — потенциальный источник насилия, а в иных случаях и террора.

Признание многообразия мировой истории и совместного существования различных социокультурных общностей порождает вопрос о различиях между этими типами общностей — этносами, нациями, этноконфессиональными, этнолингвистическими союзами и цивилизациями. В теоретическом плане для исследования взаимосвязи этнических и цивилизационных общностей интерес представляют работы Л.Н. Гумилева об этносфере как сочетании этноландшафтных целостностей — этносов и этноценозов, развиваемое Ю.В. Попковым представление о локальных цивилизациях, являющихся продуктом локальных форм процесса интернационализации, а также концепция Ю.В. Попокова и А. Тюгашева об этносфере отдельной цивилизации как среде, обеспечивающей

воспроизводство входящих в ее состав этносов и цивилизационной идентичности.

В частности представляет интерес взгляд с точки зрения цивилизационного подхода на цивилизации как «таксономические единицы» человечества, каждая из которых есть оригинальный тип целостности. Специфика российской цивилизации заключается в том, что это «пограничная» цивилизация планетарного масштаба. Для цивилизаций этого типа общим является принцип преобладания многообразия над единством, гетерогенности над гомогенностью. Характерная черта российской цивилизации — многоконфессиональность и религиозная толерантность массово представленных мировых религий — православия, ислама, буддизма и традиционных верований северных народов [9].

Еще одна важная особенность российской цивилизации — ее евразийский характер (возможны синонимичные трактовки — «российско-евразийская цивилизация», «евразийская общность» [10]. Так, И.Б. Орлова определяет его как реальность, целостность и в геополитическом, а не только в географическом, экономическом, историческом плане, как «пульсирующее чередование *единой* (курсив наш) государственности и системы государств». «Евразийская цивилизация — одна из культурно-исторических систем, сложившихся в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих «срединный континент», формирующих в процессе своей деятельности пространственные связи — по освоению природно-ландшафтной среды, адаптации и своему «месторазвитию»; временные связи — по передаче от поколения к поколению навыков, ценностей, установок, культурных традиций; социально-психологические связи — скрепляющие общность и комплиментарность или взаимоприятие евразийских этносов» [11].

В рассматриваемом контексте интерес вызывает и определение общей российской идентичности — «российская нация». Прежде всего отметим, что в настоящее время сложилось два научных подхода к проблеме сущности нации: «гражданское сообщество» (французская школа) и «этнокультурная общность» или «этнонация» (немецкая школа). В разные периоды отечественной истории использовались такие термины, как «Большая Русская Нация» и «Русская Нация» (при Петре I, Екатерине II и Александре I), «многонародная нация» (при Николае II), «советский народ» и «многонациональный народ» в советский период и «российская нация» в постсоветский период [12].

Академия наук СССР, придерживаясь мнения немецкой школы, термин «нация» понимала как этнокультурную общность или этнонацию, его гражданско-политический смысл не допускался. В.А. Тишков ассоциирует его с «российской идентичностью»: «здесь формула не «или — или» (или ты русский, или ты россиянин), а «и — и» [12].

Российская идентичность чрезвычайно дифференцирована и неустойчива. Переживая свою принадлежность к пересекающимся групповым множествам, индивиды, их социальные группы и сообщества становятся носителями сложной, множественной идентичности. Поиски идентичности на современном этапе развития государства становятся важным фактором реализации государственной стратегии. Так, В.В. Путин, выступая на встрече с представителями общественности по проблемам Северо-Кавказского региона 8 ноября 2000 г., транслировал понятие политической нации в значении согражданства, т.е. сообщества граждан российского государства. Такая трактовка вкладывается в дискурс через понятия «российская нация», «единый народ России», «мы — многонациональный народ России».

Однако А. Алаудинов указывает на то, что формирование общенациональной идентичности в России будет иметь успех в том случае, когда идентичность рассматривается как композиция целого, а не как отдельный аспект. «Такое плюралистическое единство обязательно строится за счет проекции» на общенациональный уровень региональных особенностей и межрегиональных различий. Таким образом, реальной и позитивной возможностью для России является построение *общенациональной политической идентичности* (курсив наш) на основе региональной, при этом последняя всегда будет представлена во множестве, а первая — в единстве многообразия» [13].

Еще один аспект рассматриваемого вопроса многонациональности современного российского общества — «многокультурность» в ее современном философско-антропологическом смысле.

В.А. Тишков в своей статье «После многонациональности» предлагает рассматривать многокультурность в отрыве от ее «эмпирического установления и признания наличия культурных различий у разных групп населения общества или государства. Обоснованием этому выступает существование большого числа государств, в которых полиэтничность не признается и, более того, отвергается официальной доктриной как несовместимая „с задачей обеспечения национального единства“» [14].

По мнению В.А. Тишкова, в современном российском обществе наблюдается «реакция отторжения и трудного восприятия мультикультурализма, где „многонациональность“ конституирована, тиражируется в лозунгах и в печатных текстах, распевается в песнях, произносится в застольных тостах...», в данном контексте более приемлем, согласно В.А. Тишкову, термин «маргинальность». Но вместе с тем в нашей стране факт множественности культур, дифференцированных по целому набору характеристик, «настолько признан, а правовые нормы, государственные институты и общественные усилия по утверждению групповой отличительности настолько

масштабны, что найти новую нишу для многокультурности непросто».

Далее в этой же работе В.А. Тишков, выступая с критикой мультикультурализма, указывает на то, что «Россия не является уникальным регионом с точки зрения этнокультурного многообразия...», в ней существует «своя особенность, связанная с чрезмерной значимостью этнокультурного фактора. В нашей стране этнокультурному фактору придавалось особое значение — от паспортной записи до государственно-административного устройства» [14].

Таким образом, чаще всего многонациональность того или иного государственного образования рассматривается в связи с существованием разных типов культур, религиозных мировоззрений, национально-территориального самоопределения, решения проблем политической сферы жизни общества, угроз национальной целостности, безопасности нации и т.д.

Вместе с тем статистические данные в отношении национального и конфессионального состава Российской Федерации, наличие народов большой численности, дисперсно или компактно на территории одного-двух субъектов распределенных по территории России, большого числа коренных для России народностей и этнических общностей убедительно свидетельствуют о поликультурности/полиэтничности государства. Данный факт закреплён в правовых нормах, программных документах сферы государственной национальной политики и, следует полагать, в управленческом сознании, равно как и перечень угроз национальной безопасности, проистекающих от факта проживания на одной территории уникальных своей самобытностью, укладом и образом жизни, общественным устройством этнических общностей, достаточно многочисленных национальных меньшинств (диаспоральных групп).

Обратим внимание, что термины «многонациональный», «поли/многокультурный», «полиэтнический» и иные синонимичные выражения достаточно прочно укоренились в научном и обыденном обиходе. Однако в отношении специфики поликультурности Российской Федерации мнения исследователей расходятся по двум полярным позициям. Одна из этих позиций утверждает особый цивилизационный путь России, обусловленный ее историческим развитием, промежуточным положением между европейской и азиатской цивилизациями и прохождением своего «особого» цивилизационного пути. А специфика российской цивилизации заключается в том, что это «пограничная» цивилизация планетарного масштаба. Для цивилизаций этого типа общим является принцип преобладания многообразия над единством, гетерогенности над гомогенностью.

Сторонники второго подхода утверждают об отсутствии специфичной многокультурности России,

апеллируя к наличию довольно большого числа полиэтничных государств, довольно успешно развивающихся в условиях полиэтничности и поликультурности. В российской же практике термин «многокультурность» является сконструированным и заикливается на признании факта различных культур, религиозных мировоззрений и народов с отличительной исторической судьбой как таковых.

В связи с этим на современную повестку дня выходит вопрос определения нового понятия, описывающего российскую идентичность: «российская нация». Определение этого феномена затруднено на-

личием двух подходов к проблеме сущности нации — рассматривать ее как «гражданское сообщество» или же «этнокультурную общность (этнонацию)». Терминологическая сложность дополняется тем, что в представлениях современных россиян именно российская идентичность чрезвычайно дифференцирована и неустойчива. Поиски идентичности на современном этапе развития государства становятся важным фактором реализации государственной стратегии, в частности через понятия «российская нация», «единый народ России», «мы — многонациональный народ России».

Библиографический список

1. Billing Michael. Banal Nationalism. — Sage Publications, 1995.
2. Bechhofer F., McCrone D. National Identity, Nationalism and Constitutional Change. — Palgrave Macmillan, 2009.
3. Геллнер Э.А. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм : сборник CEU. — М., 2002.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М., 2001.
5. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Сургаева О.В., Атысова Н.Ю., Табакаев Ю.В. К вопросу о формировании национального сознания населения Алтайского края // Известия Алт. гос. ун-та. — 2014. — №2/2. DOI:10.14258/izvasu(2014)2.2-49.
6. Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. Миграционные процессы: угроза или условие демографической безопасности Алтайского края? (экспертная оценка риска демографического кризиса в регионе) // Известия Алт. гос. ун-та. — 2013. — №2/2. DOI:10.14258/izvasu(2013)2.2-47.
7. Танасов Г.Г., Рябкина З.И. Этническая толерантность в межличностных отношениях (по результатам экспериментальных исследований) // Толерантность и культура межнационального общения : учеб.-метод. пособие / под ред. Е.А. Журавлевой, В.В. Шалина. — Краснодар, 2009.
8. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этносоциальные процессы в цивилизационном развитии [Электронный ресурс]. — URL: filosof10.narod.ru/lib/Nation/EtnosCiviliz.doc (дата обращения 23.01.2015).
9. Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. — Барнаул, 2007.
10. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспектива. — М., 1998.
11. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. — М., 2013.
12. Тишков В.А. XXI век признает права большинства // Русский журнал. — 2011. — 31 мая [Электронный ресурс]. — URL: http://actualcomment.ru (дата обращения 23.01.2015).
13. Алаудинов А. Формирование общенациональной политической идентичности в современной России: проблемы и перспективы // Вестник российской нации. — 2011. — №4–5.
14. Тишков В.А. После многонациональности // Знамя. — 2002. — №3.
15. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Авдеева Г.С., Омельченко Д.А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России : монография / под. общ. ред. С.Г. Максимовой. — Барнаул, 2013.